

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЛЕЙКИН

**НЕУНЫВАЮЩИЕ
РОССИЯНЕ.
РАССКАЗЫ И
КАРТИНКИ С
НАТУРЫ**

Николай Александрович Лейкин

Неунывающие россияне

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48450205

Аннотация

Предлагаем вашему вниманию лучшие рассказы из сборника «Неунывающие россияне» русского писателя Николая Лейкина, автора знаменитых «Наших за границей». В книгу, которой автор дал подзаголовок «Рассказы и картинки с натуры», вошли рассказы «Коновал», «Из жизни забитого человека», «У гадалки», «Былинка и дуб» и зарисовки «Наше дачное прозябание» – юмористическое описание дачных пригородов северной столицы и типов населяющих их петербуржцев.

Содержание

Коновал	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Николай
Александрович Лейкин
Неунывающие
россияне. Рассказы
и картинки с натуры**

Коновал

Перенесемтесь, читатель, в Ямскую, в этот патриархальный уголок Петербурга, орошаемый замечательной по своей двухсаженной ширине речкой Лиговкой. Петербуржцы знают этот уголок; для провинциалов же скажем, что он преимущественно населен извозчиками; фабричными, мастеровыми, мелким купечеством и деревенским людом, пришедшим в Петербург на заработки. Поденщики, поденщицы, безместные лакеи, кухарки и горничные всегда здесь находят себе угол за рубль или полтора рубля в месяц. По своему внешнему виду и нравам уголок этот удивительно как походит на провинциальный городок. Для полноты сходства недостает только острога, этого неизбежного, наводящего уныние, здания каждого уездного города, и чиновничества. Чиновный

люди часто хоть и гнездятся в самых отдаленных кварталах Петербурга, но в Ямской, менее отдаленной от центра города, почему-то не живет. Итак, к делу.

В один прекрасный вечер на постоялый двор, содержащийся в одной из улиц Ямской теткой Галчихой, пришел постоялец и потребовал ночлега. Постоялец этот только что приехал в Питер по железной дороге и отличался довольно странным видом. Он был невысокого роста, коряв и череп из лица, крив на левый глаз, имел щипаную бородку, глядящую куда-то в сторону и как-то странно вывернутую кверху ноздрю. На вид ему было лет под сорок. Таких людей, обыкновенно, называют плюгавыми. Невзирая, однако, на свою плюгавость, постоялец держал себя важно, говорил с расстановкой, поминутно подбоченивался, и потребовав на ужин щей, гордо косился своим единственным глазом то на хозяйку, суетившуюся около печи, то на сидевшего с ним за одним столом и евшего кашу мужика, то на разувавшегося на лавке отставного солдата. Похлебав щей, постоялец начал разбираться в принесенных им с собой мешках. Из одного он вынул лошадиный череп и синий кафтан, из другого – большой козлиный рог и банку со змеей в спирте. При виде этих предметов сидевший у стола мужик, покосившись, отодвинулся, хозяйка перекрестилась, а солдат кашлянул, и, проговорив «ишь ты какая штука!», подошел к постояльцу.

– К чему-же, таперича, вам эти шкилеты будут? – спросил он и робко ткнул пальцем в лошадиный череп.

– Снадобья... все на потребу, от лихих болезней, – ответил постоялец, бережно осмотрел перед сальным огарком свое имущество, и, поставив его под собой под лавку, начал укладываться спать на разостланном тулупе.

Солдат в недоумении стоял перед ним и ковырял у себя в носу.

– Так, так... на потребу... Разные болезни есть. Что-же вы теперь будете? Лекаря, что ли? – спросил он.

– Коновалы и лекаря. Всякую болезнь лечить можем и всякую болезнь нагнать, ежели – все в нашей власти... – важно проговорил постоялец, и растянувшись на лавке, отвернулся к стене.

Солдат многозначительно взглянул на хозяйку и кивнул на коновала: «вот дескать какая птица!» Хозяйка видимо опешила. «Бог его знает, какой он такой человек! – подумалось ей – ещё болезнь какую ни-на-есть напустит». В голове её мелькнуло, что коновала надо задобрить.

– Что-же так-то лег? Сем-ка, я молочка подам. Похлебаешь... – продолжала она.

Коновал отказался.

– Кафтан-то из-под лавки под себя возьми. Здесь, ведь, постоялый двор. Ночь-то велика. Народу всякого понабраться может. Не ровен час...

– Не бойсь. Цел будет. Я слово заговорное знаю. Пусть-ко кто польстится, так из избы цел не выдет, – самоуверенно и не оборачиваясь, отвечал коновал.

От слов этих хозяйка еще более опешила. У неё даже задрожали ноги. Кой-как знаками она начала вызывать солдата и мужика на двор. На дворе составился совет.

– Ах грехи, грехи! Вот не было печали, так принес Господь лихого человека, – говорила она. – Как тут быть?

– Да чему ж быть-то? Сведущий человек. Такие люди бывают, – сказал солдат.

Мужик молчал, вздыхал и чесал живот.

– Всякую, говорит, болезнь напустить в нашей власти, – продолжала хозяйка; – не испортил-бы он меня!.. Голубчики, уж вы не оставляйте меня. Ложитесь со мной за перегородку, – упрашивала она мужика и солдата.

– Будь покойна, не оставим, – утешал солдат. – Чего-ж бояться! Ведь ему никто худого слова не сказал.

Мужик наотрез отказался спать в избе.

– Нет, уж ты там как хочешь, Андреяновна, а я под навес... потому христианской душе в одной избе с падалью ночевать не приходится. Вишь, там у него змей? Нешто это возможно? – сказал он, и действительно, невзирая на холодную осеннюю ночь, спал под навесом.

Хозяйка хоть и легла спать у себя за перегородкой, хоть и положила недалеко от себя солдата, но всю ночь не могла сомкнуть глаз и творила молитву. Раз десять в течение ночи окликала она и ошупывала солдата и поутру поднялась чуть только забрежился свет. Коновала уже не было в избе. Из-под лавки выглядывал лошадинный череп. Она вышла на

двор. На опрокинутой кверху дном койке от телеги сидел коновал и покуривал трубку.

– Хозяюшке почтение! Желаю здравствовать! – сказал он. Это ваша коровка-то всю ночь мычала? Надо статья – хвораёт. Дай-ко я посмотрю, что с ней?

Услыша ласковый привет, хозяйка приободрилась.

– Да вот и сама не знаю, что с ней попритчилось. Вторую ночь мычит, – отвечала она и повела коновала в хлев. – Только ты, голубчик, не попорть её. Мы люди бедные... – добавила она, кланяясь.

– Зачем за ваши ласки портить? Мы её вылечим, потому, таперича, мы это дело туго знаем. Мы у помещика, у генерала Залихваньева шесть годов над всеми скотными и конными дворами главным коновалом состояли. Коровы были всякие: и тирольки, и лимонские. А что до лошадей, так были такие, что и цены не было, – говорил коновал, следуя за хозяйкой в хлев.

Прийдя в хлев, он осмотрел корову, пощупал у нее нос, хвост, уши и задумался. Хозяйка следила за ним взором.

– Червь у нее в животе. Нутро топит, сказал он наконец. – Кровь-бы ей из ноги кинуть, да коровенка-то молодая. Ну, да мы и так справим, добавил он – засучил рукава, пошептал что-то корове в ухо, три раза плюнул, и вырвав у нее из хвоста несколько шерстинок, подал хозяйке.

– Заверни в бумажку, да сожги ужо, как печь топить будешь. Червь сам выдет. Да вот еще что: как корм задавать

будешь, так присаливай хорошенько.

– Все исполним. Много тебе благодарны, батюшка! Как величать-то?

– Данилой Кузьминым.

– Уж я тебя ублагодворю, Данило Кузьмин. Дай только печь истопить. Пообедаешь у меня.

– Ладно. Только за одно ублажи вот чем еще. Нет-ли у вас тут фатерки поблизости? Так гореньки крохотной. Потому мы тут остановиться думаем.

– Это что, это пустое дело, это можно. Вот тут рядом рубля за два с полтиной горенку отдадут.

– Ну, так и делу конец! Сватай! А мы тебя завсегда в почёте держать будем.

Часа через два рано пробуждающаяся улица, в которой остановился коновал, благодаря языку хозяйки и её боязливых знакомых, почти уже вся знала о появлении знаменитого коновала и лекаря, выгнавшего из больной коровы червя. Нашлись люди, которые рассказывали, что они сами видели этого червя.

– Большущий-пребольшущий и весь в шерсти, – рассказывала в трактире какая-то прачка-поденщица, пришедшая в трактир сварить кофий. Вышел он из неё и пополз, и пополз...

– С крыльями? спрашивал прачку кто-то из присутствовавших.

– Не заметила, голубчики. Греха на душу не возьму,

не заметила, отвечала она, и приложив руку к щеке, прибавила: Господи, какая нечисть на белом свете бывает!

– Вот-бы этому червю в нашего хозяина войти. Авось меньше-б над женою командовал. Вчера таких синяков понаставил, что живого места не найдешь. На силу отняли, – сказал мастеровой, прибежавший растопить клей, и захохотал.

– А ты что зубы скалишь? Нешто в человеке такой нечисти не бывает? заметил кухонный мужик. Ещё хуже. У нас в деревне у родного моего дяди змея в утробе сидела. На-смерть пил. Потому она этого самого вина требовала. А как выгнали из него, – и пить перестал.

– Спаси Господи и помилуй всякого человека! – закончила прачка и выбежала из трактира.

Часам к двум дня коновал, угощенный хозяйкой постоялого двора обедом, водкой, ночлегом и снабженный двугривенным денег, уже перебрался к себе на квартиру, которую нанял за два рубля в месяц, хотя квартира эта, то есть комната, и ходила прежде по три рубля. Домохозяйка, вдова ямщикка Поругаева, до того запугалась свирепым видом и славою о всемогуществе коновала, что отдала её не торгуясь, за то что он ей предложил.

Коновал поселился в маленьком, ветхом домишке с поросшей травой крышею и с покачнувшимися, вечно мокрыми воротами, полотна которых были испещрены местными живописцами и публицистами изображениями животных и

надписями вроде: строго воспрещается... и т. п. На дворе дома в развалившейся избе жили извозчики; под навесом помещались их лошади, экипажи. В лицевом флигеле, где находилась и коморка коновала, кроме его и домохозяйки, жила прачка-поденщица – молодая, красивая баба, вдова солдата, ходившая полемойничать и «стирать в люди», какая-то старуха, жившая щедротами доброхотных дателей и вспоминавшая о давно прошедших счастливых днях, проведенных ею в экономках у статского генерала Разструбина, и ярославец с женой, торговавшие в шалаше, устроенном в заборе: сбитнем, квасом, пряниками, мылом, ржавыми гвоздями и кнутами. Прийдя в квартиру, коновал тотчас-же начал устраиваться, вследствие чего в углу появилось ложе, сколоченное из досок и четырех поленьев, на подоконнике разложились и разставились пузырьки с «зельями», как он их называл, банка с змеей, козлиный рог, лошадиный череп и бумажки с толченым кирпичем, купоросом и пр. На стене развесились пучки сушеных трав, шкуры, содранные с угрей, и галочки крылья.

Появление коновала в доме вдовы ямщички Поругаевой произвело сильную перемену в действиях обитателей дома. Голосистая, поющая песни прачка Василиса, стиравшая в сенях белье, умолкла; старуха-жиличка, генеральская экс-экономка, вечно переругивавшаяся с квартирной хозяйкой из-за кофейника и «переварок», – смирилась и только злобно кивала головой; торговцева жена, которой нужно было ру-

бить на ужин капусту, удалилась для воспроизведения этого процесса на двор, под навес; сама-же хозяйка, обладавшая звонким голосом, говорила шопотом; когда же коновал, разместя свое имущество, задумал почить от дел, и, разостлав тулуп, улегся на свое ложе, она раз десять выбегала на крыльцо, чтобы кинуть щепкой то в раскудавшуюся курицу, то в горланившего петуха. Одним словом, на всех обитателей дома напала какая-то робость. Робость эта перешла в невольный страх, когда коновал, поспав с час, вышел на улицу погулять, а хозяйка и жильцы вошли в его коморку и начали разсматривать его имущество, разложенное на подоконнике и висевшее на стене.

При виде таких, в сущности обыкновенных предметов, как череп, змея и галочки крылья, но в глазах обзирающих приобретших таинственное значение, все так и ахнули. Началось всплескиванье руками, отплеиванье, осенение крестным знаменем и было решено, чтобы с жильцом обращаться как можно ласковее и предупредительнее, дабы не навлечь на себя его гнева, а с ним вместе и его последствий – в виде порчи, икоты и тому подобных болезней. Осмотрев имущество, все тотчас-же бросились поделиться своим впечатлением с соседями. Соседи пожелали убедиться лично, вследствие чего, на улице, около окна коновала, образовалась преизрядная толпа мужчин и женщин. Все это теснилось и старалось заглянуть в окно. Со всех сторон слышались предположения, что змея, находящаяся в банке, по

ночам будет вылетать в трубу. Какой-то мастеровой с ремешком на голове решил не спать всю ночь, и во что бы то ни стало подкараулить змею.

Народ долго-бы еще толпился у окна, ежели бы из-за угла не показался сам коновал.

– Батюшки! Вон он и сам идет! – крикнула находившаяся в числе зрителей торговцева жена и опрометью бросилась к мужниной лавчонке.

Толпа, как-бы застигнутая на месте преступления, оробела и медленно начала расходиться, косясь на приближавшегося коновала.

Коновал шел важно, закинув руки за спину. Завидя народ у своего окна, он ещё выше задрал голову.

«Ага, рассматривают. Ну, погодите-же, не такую я вам еще штуку на показ выставлю, а почуднее. Дай только мне летучую мышь найти», проговорил он про себя и вошел на двор.

Начинало смеркаться. В кухне хозяйка пила чай.

– Чай да сахар! сказал, входя, коновал.

– Милости просим. Выкушайте, предложила она.

– Что-ж, побаловаться всегда можно, отвечал он и сел.

Разговор не начинался. Коновал пил чай, громко прихлебывая с блюдечка. После второй чашки, хозяйка, наконец, обратилась к нему с вопросом:

– Что-ж, вы это, таперича, будете лекарством заниматься?

– Да, лечить будем, потому мы коновалы и этому делу с измалетства обучены.

– Уж вы будьте надежны... У нас завсегда покой будет.

– Это точно. На счет покою первое дело, потому я иногда в забытье... особенно, когда какое ни-на-есть мудреное снадобье требуется, – сказал коновал и начал рассказывать, что он у генерала Залихваньева шесть годов главным коновалом состоял, что лечил не только один скот, но из всех окрестных деревень к нему мужики приходили. Что он одного купца даже после особорования на ноги поднял; исцелил в своей деревне старостику, которая была испорчена и целый месяц хрюкала по-свинячьи, и даже пользовал самого исправника, страдавшего ломотой в «коренной косточке». Во время рассказа в комнату вошла прачка Василиса, старуха генеральская экс-экономка, и торговцева жена и сели поодаль. Заметив слушателей, коновал воодушевился ещё более и поведал, что ученые доктора ничего не знают, что они только морят людей, что есть, правда, один ученый доктор Пирогов, который всякую болезнь лечить может, но и тот приобрел свою ученость не в книжках, а его научил один умерший «солдатик» в Севастополе, так как солдатику этому в «отражении» бомбой все нутро вывернуло. Во время рассказа слушательницы сидели молча и только изредка вздыхали и покачивали головами. В заключение коновал прочел целую лекцию по части анатомии и патологии человеческого тела, из которой слушательницы узнали, что человеческое мясо висит на костях, пришитое жилами, что внутри у человека «требуха», сердце и печенка, которая «с сильных сердец»

может лопаться, что вся требуха опутана жилами, в которых течет кровь, что в крови часто накапливается всякая «дрянь», вследствие чего человек бывает болен и нужно «бросать» кровь, что кровь эта выходит печёнками и чтоб остановить эту кровь, нужно непременно «заговорное слово» знать.

Выпив с полдюжины чашек чаю, коновал обернул кверху дном чашку, положил на доньшко огрызок сахара и, расклавшись с хозяйкой и её жиличками, ушел к себе в комнату.

Из паспорта, отданного коновалом хозяйке, было узнано, что он бывший дворовый человек. Такое столь не высокое звание и довольно ласковая беседа за чаем всех немного успокоили. В комнате хозяйки, однако, еще долго шептались о нём и ночь была проведена не совсем спокойно. Правда, сама хозяйка спала крепко, но благодаря чайной чашке водки, выпитой перед сном; экс-экономке же грезилось, что её кто-то хватил за пятки; а торговцева жена поутру всем и каждому рассказывала, что её всю ночь кто-то душил и на своём лице она даже чувствовала прикосновение какой-то шерсти.

На утро коновал проснулся рано – было воскресенье. Надев на себя кафтан и опоясавшись ремненным поясом, на котором висели эмблемы его ремесла – в виде сумки, ланцетов с доброе долото и различных шил, он вышел на двор. На дворе извозчики мыли лошадей и экипажи. Завидя коновала, они снимали шапки. Появление его на их дворе было уже передано им, с мельчайшими подробностями их артельной «маткой», то есть стряпухой. Коновал приблизился к ним,

пощурил на лошадей свой единственный глаз, и, выбрав лошадку покрасивее, подошел к ней, с видом знатока, ударил её ладонью под пах и спросил «по чем дана?».

– Да не купленная, из доморостков, отвечал извозчик.

– Лошаденка жиденьякая... процедил коновал и начал смотреть ей в зубы.

– Жидка-то жидка, лошаденка не видная, да зато хоть рысь есть, вмешался другой извозчик. А вон я лето-с у хозяина жил и у меня была лошадь: из себя король, а рысь – курица обгонит и к кнуту не почтительна. Хоть ты её зарежь! Ты её кнутом, а она хвостом...

– Ну, коли лошадь молодая и в силе, так значит порченная. Тут рысь нагнать можно. Заговор есть. У нас таких лошадей может тыща в переделе перебивало, похвастался коновал.

– Казали тогда коновалу, да без пути... Это, говорит, лошадь двухжильная, её под лом надо.

– Двухжильная! Много знает твой коновал! Двухжильных лошадей может на всю Расею штук шесть... За двухжильную лошадь, на царскую конюшню ежели, – сейчас десять тысячев дадут. Мели, знай!

– Что-ж лаешься! Коновал тогда брехал.

– Вы скрыпинские, почтенный, будете? – спросил коновала третий извозчик.

– Нет, мы из другого места. Уж скрыпинских-то коновалов теперь, брат, слава отошла и ничего они не составляют.

Вся цена-то им грош.

– В славе были.

– Были да сплыли. Дай-ко ему лошадь от отпою заговорить – не сумеет, сказал коновал. Уж вы, ребята, коли что на счет лошадей, так я вот тут с вами живу, закончил он и начал уходить.

– Будь покоен... Не обойдем... Наслышаны... Зачем в чужие люди лезть? – слышалось ему в след.

Коновал отправился в трактир. Ему пришлось проходить мимо шалаша торговца, который жил с ним вместе на квартире. Шалаш был уже отворен. Торговец, рыжебородый, дородный ярославец, расправлял молотком на куске железа старое гвоздьё. Около него торчала его жена, грудастая баба, в длинном синем суконном шугае и в красном ситцевом платке на голове. Торговец и его жена поклонились коновалу. Тот ответил на поклон и сказал: «Бог помочь».

– Милости просим на перекупье. Не погнушайтесь, – пригласил торговец. Жена молчала и только кланялась.

Коновал вошел и сел на лавку.

– Сбитеньку не желаете ли?

– Благодарствуем, потому в трактир идем и там чайком побалуемся.

– Это точно, чаек много полезительнее. Яблочка не желаете ли?

Коновал взял яблочко, и спрятав в карман, начал обозревать лавчонку. Минут через пять торговец, страдавший ка-

ким-то недугом в ноге, показывал уже коновалу разутую ногу. Коновал щурился и тыкал в ногу пальцем. Баба стояла поодаль и отирала кончиком головного платка нос.

– Надо статься, это у него с перепугу, говорила она: – потому пужлив он очень. Летос тут у нас пожар был, а он в бане парился. Так испужался, что нагишом выскочил. С тех пор и началось.

– Нет, тут особь статья. Тут волосяник сидит. Червь такой есть. Верно в речке, где лошадей моют, купались, сказал коновал.

– Это точно... тут как-то об Ильине дне на Волково кладбище ходил – так баловался.

– Ну, вот он и влез. Его заморить нужно, а то он может под сердце подойти. Ужо толкнись ко мне, – я мази дам, заключил коновал, попросался, в виде дани снял со стены связку баранок, запихал её в карман и пошел в трактир.

Пришедши в трактир, коновал потребовал чаю. Половой поставил перед ним прибор. Коновал начал уже полоскать стакан, как вдруг к нему подбежал буфетчик и схватил со стола прибор.

– Извините, заговорил он – не того чаю дали. Мы вас не знали, а этот чай, известно, для простого народу... Пожалуйте к буфету на купеческий стол. Другого засыпал.

Такого рода почёт приятно пощекотал нервы коновала. Он отправился на купеческий стол. Оказалось, что извозчик живущий на одном дворе с коновалом, прийдя также в трак-

тир и увидав этого сведущего мужа, тотчас указал на него буфетчику и сообщил о его искусстве и премудрости. Буфетчик, ещё вчера слышавший о знаменитом выгнании из Галчихиной коровы червя и имея нужду в коновале, счел за нужное почтить его «купеческим столом» и «особенным» чаем. Результатом всего этого было то, что когда коновал влил в себя два чайника кипятку, буфетчик подсел к нему и стал жаловаться на какое-то щемление под сердцем и «свербление» в затылке.

– Кровь пустить надо, сказал коновал: потому это значит, что она наружу просится.

– Да уж и то по весне, почитай, десять банок на спину накинул.

– Жильную пустить нужно. Та кровь ничего не составляет. Её хоть ведро выпусти – все без пользы. В нашем месте вот тоже один купец был болен, так тот каждый месяц себе банки накидывал, по полуштофу крови выпускал, и ничего не помогло, так и помер.

На прощанье буфетчик поднес коновалу стаканчик «с бальзанчиком», ничего не взял за чай, сказав, что «даже и первого вола в гурте не бьют» и просил «жаловать напередки».

Вечером коновала звали помочь какой-то купчихе – трудной родильнице. Коновал взялся помочь, послал родильнице угриную кожу, велел ей опоясаться, наделал топором на воротах дома, где жила родильница, несколько зарубок, по-

требовал её волос, и в присутствии мужа, зарыл их на дворе под камнем, за что и получил два рубля.

«Ну, дело кажется на лад идет!», подумал он, ложась спать и радостно потирая руки;— «тут жить можно!» и окутавшись тулупом, начал засыпать.

Слава коновала Данилы Кузьмича росла с каждым днем и скоро распространилась по всей Ямской. Все знали его по имени и все ему кланялись. Лечил он и лошадей и людей от всех болезней. Не было такого недуга, перед которым бы он останавливался. Правда, лекарства его были не многочисленны, но зато, по уверению больных, отличались «пользительностию». Так «от живота» — настойкой на трилистнике и тысячелистнике; от лихорадки заговаривал и давал пить дубовую кору; раны прижигал купоросом; от ломоты лечил мазию, и предписывал ими мазаться непременно в бане, для того, чтоб «всякая дрянь» потом выходила. Мази эти он составлял сам и примешивал к ним всё, что попадется на глаза, или придет в голову: деготь, толченый кирпич, уголь, ладан, сулему, бадягу, лошадиный навоз и пр. Всякое лекарство давалось, обыкновенно, с какими-нибудь таинственными наставлениями вроде: пить по три зари сряду, предварительно продев посуду сквозь колесо от телеги, или перед натиранием, подержать себя за большой палец на левой ноге и помянуть Фрола и Лавра, и т. п. Вообще в наставлениях его о лечении фигурировали очень часто фразы: «кровь попорчена, много дряни накопилось, кинуть надо», и «возьми, ку-

пи полштоф водки, настой её (тут произносилось название травы) и пей всякий день по стаканчику, как только солнце сядет». Последнее наставление удивительно как приходилось по сердцу всем хворавшим обитателям Ямской и они исполняли его с буквальной точностью. От зубной боли Коновал давал жевать какие-то бумажки, наставив на них таинственные каракули. Он был плохо грамотен, с трудом «разбирал по печатному», писать вовсе не знал и мог только ставить «цихвирь». Обстоятельство это он, впрочем, тщательно скрывал, потому что имел у себя на квартире огромную книгу в кожанном переплете – какой-то немецкий словарь – которую он впрочем называл «лекарской книгой» и в разговоре часто вставлял; «а вот мы в книжку посмотрим, что там прописано». Книга эта, впрочем, никогда не раскрывалась; она была завязана крест-накрест веревкою, концы которой были припечатаны тремя печатями, и лежала на окне. Коновал знал, что слава его происходит, главным образом, от таинственных предметов, которыми он себя окружил, и потому старался как можно больше «напустить» этой таинственности. Заметив, что лошадиный череп, змея и галочки крылья, разложенные на окне, производили эффект и говор, он каждый день начал притаскивать к себе на квартиру что-нибудь особенное; так, на окне, среди уже вышепоименованных предметов, появились заячьи ноги, собачий хвост, летучая мышь, распяленная на доске, и какой-то большой камень, весь испещренный красным карандашом.

Коновал жил на квартире тихо и смиренно. Правда, по временам напивался пьян, но не буянил, и по уверению хозяйки, «безобразиев не делал». Раз только ночью потребовал он у неё водки и когда она, за неимением её, отказалась дать, то начал колотить по столу и запел ей назло «со святыми упокой», но вскоре повалился поперек своего ложа и захрапел. На свои он пил редко. Он пользовался такою популярностью и таким почетом, что ему только стоило показаться в трактире или кабаке, как сейчас находились люди, желавшие его угостить. Хозяйка, питавшая к нему при переезде его к ней на квартиру какой-то непреодолимый страх, мало-помалу привыкла к нему, перестала трепетать в его присутствии, но все-таки по-прежнему была предупредительна в его малейших желаниях. Но всех больше боялась его и в тоже время имела к нему какую-то симпатию – прачка Василиса. Без приказания и просьбы с его стороны, она стирала ему белье, мыла два раза в неделю пол и окно в его комнате, прибирала его добро; всякий раз, когда пила сама, старалась ему предложить кофею, и раз, заметив даже, что у него всего на всё одно полотенце, запихала ему под подушку своё собственное. И все это делала она безвозмездно, не слыша даже слова «спасибо». Коновал-же, наоборот, за все её услуги платил ей косым взглядом, грубостью и надменностью. Заварит ли она щёлок и начнет стирать бельё, он сейчас же является и говорит: «Опять навоняла! Вот-бы тебя саму этим щёлоком ошпарить»; вмешается-ли она в разговор, коновал

сейчас обрывает её фразой: «уж молчи, сиди толчеёй, коли гирей пришибло». Слово «дура» и изречение, «что у бабы волос долог, а ум короток», слышала она на дню по нескольку раз. Нелюбезность его к ней дошла до того, что раз он заподозрил её даже в краже обмылка, который принес с собой из бани. А между тем, такую нелюбезность трудно было объяснить, так как Василиса кроме услужливости была красивая молодая баба, лет двадцати восьми. Она имела удивительно доброе сердце, не сердилась на грубости и брань коновала и продолжала ему услуживать. Достаточно коновалу было прилечь на постель, и, ежели это Василиса замечала, тотчас начинала ходить на цыпочках и каким-то шопотом с присвистом сообщала хозяйке и жиличкам, что «Данило Кузьмич опочивать легли». Выйдет ли он поутру из своей коморки умыться перед рукомойником, она тотчас же бросается к рукомойнику и подливает туда свежей воды. Ни ответа на поклон, ни ласкового слова Василиса до сих пор ещё не получала от коновала.

Однажды коновала позвали к какой-то вдове купчихе. Коновал отправился. Купчиха приняла его; когда же он спросил, какая у неё болезнь и что ей надо? она долго не решалась сказать, раза два убежала в другую комнату и наконец, закрыв лицо платком, объявила, что ей нужно приворотного зелья. Оказалось, что вдова по уши втюрилась в какого-то молодого приказчика из Гостиного двора, но тот, невзирая на её палительные взоры и, как кузнечный мех, сильные вздохи, не

обращал на неё никакого внимания. Выслушав чего от него требовали, коновал не смутился, пощипал свою бородку, высморкался, спрятал платок и, подбоченившись, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.